

**ОТРАЖЕНИЕ ДИНАМИКИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА
В БЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ СПИСКАХ ТОРЖЕСТВЕННИКА ***

В статье излагаются некоторые результаты сравнительного изучения двух максимально родственных списков минейного Торжественника, в частности, рассматривается вопрос об отражении в них языковых флуктуаций, составляющих фон эволюционного процесса церковнославянского языка.

Ключевые слова: церковнославянский язык, динамика языка, языковые колебания, Торжественник.

Современное представление о языке как о системе сложного динамизма, способной к самоорганизации, позволяет рассматривать проблему языковых изменений в церковнославянском языке на принципиально новом уровне. Некоторые наблюдения в этом направлении были сделаны Е. М. Верещагиным. В частности, разыскания в области лексики древнейших переводов Евангелия привели ученого к выводу о том, что интенсивное лексическое варьирование «лишь в малой части объясняется воздействием разговорной речи, учетом латинского текста и т. д., а основным своим массивом свидетельствует о периоде флуктуации¹» [Верещагин, 1997. С. 309]. Констатация «внутреннего движения» в области лексики позволяет поставить вопрос о наличии такового и на других уровнях языка.

В данной статье рассматривается один из аспектов указанной проблемы, а именно: флуктуации в церковнославянском языке и их эмпирическое проявление.

Методологическую базу исследования составляют:

1. Положение об определяющем значении узуса и традиции для церковнославян-

ского языка как языка специфически письменного и некодифицированного [Панин, 1995; Живов, Тимберлейк, 1997].

2. Общая теория появления новаций в результате осуществления традиционной деятельности, известная как «теория социальных эстафет», согласно которой любая традиция передается и воспроизводится на уровне непосредственных образцов поведения и деятельности (далее – исходный образец), индивидуальное усвоение которых служит основой для переосмысления и, соответственно, возникновения изменений [Розов, 1996].

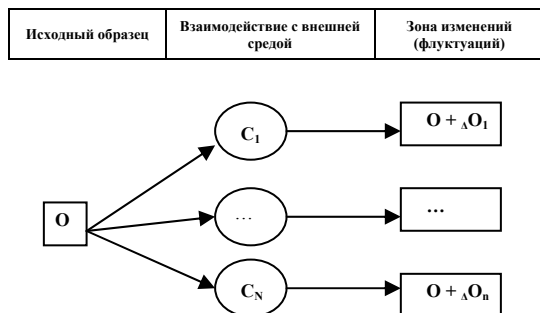
3. Лингвотекстологическая методика исследования, предполагающая совмещение описательного и объяснительного подходов в историческом освещении языка. Предметом лингвотекстологии являются различия в списках одного памятника [Панин, 1995. С. 109–116]; их фиксация, описание в соотношении со стабильными элементами и выявление организующих связей (исторических, диалектных, структурных и пр.) позволяют дать содержательную (иначе: описательную) характеристику динамики системы. В то же время данные о генетических отношениях списков дают возможность проследить механизмы преобразова-

* Работа выполнена при финансовой поддержке аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2000–2010)», проект № 2.1.3/6794 «Древнерусский четый сборник как литературный факт (канон и творческие модификации)».

¹ В теории систем флуктуациями называют «малые случайные возмущения, колебания, изменения, образующие фон любого процесса» [Крайнюченко, Попов, 2005]. В нашей статье термин употребляется в уточненном значении «колебания внутри языка, проявляющиеся в конкуренции форм выражения».

ния языка, т. е. дать объяснительную характеристику развития системы.

Данные теоретические положения позволяют представить динамику языка в виде постоянно повторяющегося на разных уровнях цикла. Рассмотрим базовую схему появления флуктуаций в языковой системе:



Интерпретация схемы: любые языковые изменения ($\Delta O_1, \dots, \Delta O_n$) берут свое начало в речи в результате нетождественной реализации образцов языковой деятельности (O) в той или иной конкретной среде² (C_1, \dots, C_N).

Традиция церковнославянского языка в своей основе также задана определенными образцами, в качестве которых выступают первые переводы свв. Кирилла и Мефодия. Овладение этим языком осуществляется так же, как и всяким другим, а именно: «в образцах выделяются особые ориентиры, которые фиксируются в системах индивидуальных представлений. Эти представления становятся средствами построения новой деятельности» [Щедровицкий, 1966. С. 33]. Воспроизводство таких образцов и создание на их основе новых, т. е. функционирование церковнославянского языка, неизбежно сопровождается появлением изменений, которые либо ассимилируются традицией и входят в систему языка, либо такого закрепления не получают.

Памятники церковнославянской письменности представляют собой образцы речевой деятельности. Следовательно, анализ языка близкородственных списков, минимально отстоящих друг от друга, позволяет сделать выводы о содержании процесса по-

явления в списках естественных языковых колебаний (ΔO_n , см. схему).

С этой целью мы проанализировали генетически родственные списки одной группы, максимально близкие друг к другу и восходящие к одному общему протографу: Риж-1³ и Увр-337⁴. Практической основой для отбора послужили результаты лингвотекстологического исследования минейного Торжественника, осуществленного Л. Г. Паниным на материале рукописей XIV–XVI вв. [Панин, 1988].

В результате сравнительного изучения гомилетических текстов по выбранным спискам (Риж-1, лл. 130в – 143в; Увр-337, лл. 105г – 120а) было выявлено 409 случаев разночтений, представленных далее по группам. В основу группировки положен формальный признак.

Самую многочисленную группу представляют **различия, связанные с употреблением букв з и ь** (162 разночтения). В ней выделены три серии случаев: 1) наличие – отсутствие буквы редуцированного гласного; 2) употребление ь в соответствии с з и наоборот; 3) написание букв о и ѳ в одном списке в соответствии с буквами з и ь другого. Рассмотрим их подробнее.

1. Большинство разночтений первой серии приходится на слова, расположенные в конце строки, – 85 %.

Известно, что древнерусские писцы достаточно последовательно соблюдали традицию заканчивать строку буквой гласного звука. Если на конец строки приходилась буква согласного, то после нее ставили этимологически неоправданные з или ь. Первоначально такое написание имело под собой фонетическое основание, однако ко времени создания исследуемых рукописей закон конца строки существовал только как орфографическая норма.

Как показывают наши наблюдения, писцы Риж-1 и Увр-337 стремились придерживаться данного традиционного правила, что и послужило причиной появления разночтений

³ Минейный Торжественник первой трети XV в. из собрания Рижской Гребенщиковской общины, хранящийся в Библиотеке Российской Академии наук, № 1. 1°, 271 л.

⁴ Минейный Торжественник 1438 г. из собрания графа А. С. Уварова, хранящийся в Отделе рукописей Государственного исторического музея, № 337-2° (№ 63). 1°, 273 л.

² Понятие «среда» трактуется нами широко: как окружение, взаимосвязанное с рассматриваемой системой или другим единством, а также совокупность условий, в которых осуществляется ее функционирование.

типа: *цѣбѣ/ницоу*⁵ (Риж-1, л. 130г) – *цѣницоу* (Увр-337, л. 106б), *ѡмѣгѣѣ* (Риж-1, 137в) – *ѡз/мѣгѣѣ* (Увр-337, л. 113в) и т. п., в том числе различных написаний на месте древних сочетаний редуцированных с плавными: *перѣвѣмь* (Риж-1, л. 136г) – *перѣ/ѡвѣмь* (Увр-337, л. 112г), *дѣ/рѣѡ* (Риж-1, л. 140б) – *дѣрѣ/рѣѡ* (Увр-337, л. 116в) и др.

В ряде случаев в абсолютном конце строки употреблен заменяющий буквенные знаки *ѡ* и *ѣ* паерок, традиционный для древнерусских рукописей XI–XII вв.: *младородныхѣ* (Риж-1, л. 135в) – *м'младородныхѣ* (Увр-337, л. 111в), *прѣрѣкѣ* (Риж-1, л. 131б) – *прѣрѣкѣ* (Увр-337, л. 106г), *гломѣ* (Риж-1, л. 137в) – *гломѣ* (Увр-337, л. 113в) и др. Приверженность к паеркам в большей степени свойственна писцу списка Риж-1, однако и он употребляет их сравнительно нечасто и преимущественно в абсолютном конце строки.

Нередко писец Риж-1 заканчивает строку выносом буквы конечного согласного в слове, вследствие чего возникают разночтения: *ѡмѣгѣѣ* (Риж-1, л. 135а) – *ѡмѣгѣѣѡ* (Увр-337, л. 111а), *мѣчтаніѣѣ* (Риж-1, л. 135в) – *мѣчтаніѣѣѡ* (Увр-337, л. 111б) и т. п.

Вынесение конечного согласного в списке Риж-1 нельзя объяснить только стремлением к экономии места, поскольку писец не всегда выдерживает правую сторону столбца совершенно ровной. В совокупности с особенностями употребления паерка, вынос буквы согласного в данном положении можно считать особым графико-орфографическим приемом оформления конца строки.

2. Вторая серия различий в употреблении букв редуцированных (*ѡ* в одной рукописи в соответствии с *ѣ* в другой, и наоборот) в 95 % случаев связана с оформлением конца слова (остальные 5 % включают в себя написание приставок и маркировку конца строки).

В явлении неэтимологического употребления буквы *ѣ* вместо *ѡ* на конце слова (в том числе на конце некоторых предлогов-приставок) усматривают как графико-орфографическую мотивацию (ориентацию на болгарское правило, в соответствии с которым буква *ѣ* писалась на конце слов, а *ѡ* – в середине) [Бахтурина, 1963. С. 56; Галь-

ченко, 2000. С. 137–139; Siilin, 2001. С. 356], так и фонетическую (написание *ѣ* вместо ожидаемого конечного *ѡ* исключительно, либо преимущественно в позиции после заднеязычных *г*, *к*, *х*, а также *ѡ* и *м*, что объясняют исконной твердостью этих согласных и историей их смягчения) [Филиппова, 1966. С. 135; Жуковская, 1987. С. 155–157].

Сравнительный анализ наших списков показал, что в Увр-337 обнаруживается тенденция (67 % разночтений рассматриваемой серии) к употреблению на конце слова буквы *ѣ* вне зависимости от этимологии в соответствии с *ѡ* в списке Риж-1. При этом следует отметить: во-первых, при переносе слова на конце строки в Увр-337 также чаще всего ставится буква *ѣ*; во-вторых, в подавляющем большинстве случаев разночтения связаны с написанием в Увр-337 буквы *ѣ* после согласных *н* и *к* (из 65 случаев 26 приходится на *н* и 25 – на *к*). Факт наличия обратных соответствий (*ѣ* в списке Риж-1 при сохранении *ѡ* в том же слове списка Увр-337, что составляет 27 % разночтений рассматриваемой серии) не дает достаточного основания говорить о последовательной ориентации писцов на болгарское правило. В то же время встретившиеся в обоих списках варианты написания с *ѣ* вместо *ѡ* после таких согласных, как *з* (*азѣ*: Риж-1, л. 143б, 142а, 138а; Увр-337: л. 114а, 114в и др.), *р* (*вѣчерѣ*: Увр-337, л. 111г), *т* (*сѣѣтъ*: Увр-337, л. 107в), *л* (*павѣль*: Риж-1, л. 140г; Увр-337, л. 119а; *ѡмѣрѣнѣ* *ѣн*: Риж-1, л. 136г), ставят под сомнение и фонетическую основу данного явления.

По-видимому, следует признать, что *ѡ* и *ѣ* употребляются в списках Риж-1 и Увр-337 как традиционный для восточнославянской орфографии вариант графического показателя конца самостоятельной словоформы, оканчивающейся на согласный. Различия между списками в употреблении *ѡ* и *ѣ* на конце слова отражают колебания индивидуального узуса, а их многочисленность свидетельствует об отсутствии какого-либо правила или системы соответствий, регулирующей употребление *ѡ* и *ѣ* на конце слова, т. е. об их графическом неразличении в этой позиции.

3. Третья серия различий представлена небольшим количеством разночтений (12), связанных с избирательным отношением

⁵ Здесь и далее конец строки обозначается наклонной чертой.

случаях обнаруживаем написания с ю: $\text{w}^{\text{ц}}\text{ц}^{\text{ю}}$ (Увр-337, лл. 108а, 117а), $\text{пш}^{\text{н}}\text{н}^{\text{ц}}\text{ц}^{\text{ю}}$ (Увр-337, лл. 118а).

Имеющиеся в Увр-337 написания ч и ц с последующими ю, а также $\text{м}/\text{а}$ (см. выше) при отсутствии написаний с последующей буквой **ы** могут свидетельствовать о сохранении мягкого признака этих согласных.

Разночтения, связанные с употреблением букв ч – щ , н – ї , w – o . Подавляющее большинство разночтений данной серии приходится на слова, расположенные на конце строки или в непосредственной близости от него, – 92 %.

Графические варианты ч – щ и н – ї в Риж-1 и Увр-337 имеют одинаковую дистрибуцию, различие в их употреблении мотивировано скорее эстетическими соображениями, в том числе стремлением переписчика уменьшить или увеличить длину строки и выровнять правую границу столбца. Декоративная функция варианта щ наглядно представлена в списке Риж-1: хвосты лигатуры писец сделал нарочито длинными, выходящими на верхние или боковые поля листа.

Буква **w** в обоих списках употребляется в соответствии со сложившейся к началу XV в. древнерусской традицией: в предлоге-приставке w , в начале слов и в заимствованных именах собственных, включая имена $\text{m}^{\text{w}}\text{w}^{\text{г}}\text{г}^{\text{н}}$ и $\text{m}^{\text{w}}\text{w}^{\text{н}}\text{н}$, где она стоит после буквы согласного. В результате действия простого и традиционного правила количество расхождений между списками в передаче слов с фонемой <о> невелико – всего 5, при этом различия касаются слов, оказавшихся на конце строки или в непосредственной близости от него.

Различия, связанные с сокращенным написанием слов, достаточно многочисленны (60 разночтений) и могут быть объединены в особую группу.

Типологически в списках в одном и том же контексте наблюдаются различия:

- 1) в способе сокращения слова;
- 2) в буквенном составе при одном и том же способе сокращения;
- 3) связанные с наличием сокращенного написания в соответствии с полным.

Как известно, в церковнославянском языке слова могли сокращаться без выноса буквы под титло (путем усечения одной или не-

скольких букв), с выносом буквы под титло и без него. В Риж-1 и Увр-337 в ряде случаев выбор того или иного конкретного способа создает отличие одного списка от другого. Так, простому усечению слова (без выноса буквы) в одном списке может соответствовать усечение слова с выносом буквы без титла в другом: $\text{вз}^{\text{т}}\text{т}^{\text{ї}}$ (Риж-1, л. 130в) – $\text{вз}^{\text{т}}\text{т}^{\text{ї}}\text{у}^{\text{х}}$ (Увр-337, л. 105г), $\text{дѣ}^{\text{з}}$ (Риж-1, л. 130г) – $\text{дѣ}^{\text{з}}$ (Увр-337, л. 106б); или усечение слова с выносом буквы под титло: $\text{цр}^{\text{ѣ}}\text{ѣ}\text{ко}\text{м}^{\text{о}}\text{у}$ (Риж-1, л. 131а-б) – $\text{цр}^{\text{ѣ}}\text{ѣ}\text{ко}\text{м}^{\text{о}}\text{у}$ (Увр-337, л. 106в), а также другие комбинации: $\text{зл}^{\text{м}}\text{у}$ (Риж-1, л. 130в) – $\text{зл}^{\text{м}}\text{у}\text{г}^{\text{т}}\text{а}$ (Увр-337, л. 105г), $\text{бж}^{\text{т}}\text{в}^{\text{о}}\text{м}$ (Риж-1, л. 142б) – $\text{бж}^{\text{т}}\text{в}^{\text{о}}\text{м}^{\text{ь}}$ (Увр-337, л. 118г), $\text{бж}^{\text{т}}\text{в}^{\text{е}}\text{н}^{\text{а}}\text{го}$ (Риж-1, л. 132а) – $\text{бж}^{\text{т}}\text{в}^{\text{е}}\text{н}^{\text{а}}\text{го}$ (Увр-337, л. 107в).

Если при копировании способ сокращения все-таки сохранен, то буквенный состав «аббревиатуры» в ряде случаев различен. Например: $\text{мр}^{\text{ѣ}}\text{ѣ}\text{п}^{\text{а}}$ (Риж-1, л. 130в) – $\text{мр}^{\text{ѣ}}\text{ѣ}\text{п}^{\text{а}}$ (Увр-337, л. 105г), $\text{бл}^{\text{ж}}\text{н}^{\text{ы}}\text{н}$ (Риж-1, л. 130г) – $\text{бл}^{\text{ж}}\text{н}^{\text{ы}}\text{н}$ (Увр-337, л. 106б), $\text{нѣ}^{\text{н}}\text{ы}^{\text{м}}\text{ь}$ (Риж-1, л. 130г) – $\text{нѣ}^{\text{н}}\text{ы}^{\text{м}}\text{ь}$ (Увр-337, л. 106а) и др.

Основную же массу отличий составляют написания полного варианта слова в соответствии с сокращенным (и наоборот): $\text{бж}^{\text{т}}\text{в}^{\text{о}}\text{м}$ (Риж-1, л. 132б) – $\text{бж}^{\text{т}}\text{в}^{\text{о}}\text{м}^{\text{е}}$ (Увр-337, л. 108а), $\text{слож}^{\text{е}}$ (Риж-1, л. 133а) – $\text{слож}^{\text{е}}\text{н}^{\text{і}}$ (Увр-337, л. 108в), $\text{бл}^{\text{м}}\text{го}\text{л}^{\text{о}}\text{бл}^{\text{а}}\text{ч}^{\text{н}}$ (Риж-1, л. 132г) – $\text{бл}^{\text{м}}\text{го}\text{л}^{\text{о}}\text{бл}^{\text{а}}\text{ч}^{\text{н}}$ (Увр-337, л. 108а).

Различия, связанные с употреблением буквы ѣ . Между списками Риж-1 и Увр-337 имеются разночтения, обусловленные смешением букв ѣ и ѐ (всего 40 примеров). Свяжать смешение с каким-либо определенным фонетическим положением, морфемой или словом нам не удалось, в связи с этим предполагаем, что оно носит чисто графический характер. Как отмечает Н. Н. Дурново, «русские писцы... руководились при различении этих букв своим живым произношением, в котором старославянскому ѣ нормально соответствовало ѐ , а старославянскому ѐ – е . В тех случаях, когда такого соответствия не было, русские писцы были лишены другого критерия различения ѣ и ѐ , кроме правописания своих оригиналов, а потому делали ошибки» [Дурново, 2000. С. 665]. Несомненно, последнее как раз и сыграло ведущую роль в появлении разно-

чений рассматриваемой группы. В целом написания с ϵ преобладают в Увр-337.

Для понимания природы выявленных разночтений отметим **устойчивые языковые факты**, в передаче которых между списками и внутри списка (в пределах выбранных гомилий) не наблюдается каких-либо колебаний. К их числу относятся:

1) регулярное отражение обоими списками праславянского сочетания *dj как ж̑;

2) регулярное отражение обоими списками праславянского сочетания *tort, *tolt как трат, тлат, случаев полногласия не отмечено;

3) праславянское сочетание *tert имеет регулярно неполногласное отражение в приставках пре-/прѣ-, предз-/прѣдз-;

4) праславянское сочетание *tj имеет регулярное отражение ц.

Указанные южнославянизмы были свойственны и самым ранним памятникам церковнославянского языка древнерусского извода, т. е. вошли в восточнославянскую орфографию в древнейший период русской письменности, поэтому их последовательное проведение можно квалифицировать как возвращение к исконным традиционным написаниям, характерным для ранних памятников церковнославянского языка. Южнославянская огласовка в этих случаях хорошо воспринималась на слух и четко противопоставлялась восточнославянской (ср. жд – ж, трат – торот), что и обусловило её регулярное воспроизведение в языке как своеобразного индикатора книжности. Правила отражения таких явлений можно было просто и надежно описать с опорой на родной язык.

В целом, наблюдения над реализацией праславянских сочетаний, по-разному отразившихся в южно- и восточнославянских языках, свидетельствуют о том, что последовательно и без расхождения представлены написания тех явлений, которые, во-первых, хорошо воспринимались на слух (рефлексы *dj, *tj, неполногласные формы); во-вторых, представлены в большом объеме лексики; в-третьих, представлены в словах, частотных в текстах подобной тематики и жанра. Вместе с тем правомерно считать, что отмеченные написания выполняют своеобразную функцию маркеров высокого стиля в языке рассматриваемых списков. Об их значимости в качестве таковых для писцов свидетельствует отсутствие колебаний и расхождений в их передаче.

Подведем итоги сравнительного анализа максимально близкородственных списков минейного Торжественника Риж-1 и Увр-337.

1. Наличие разночтений в списках максимально высокой степени генетического родства подтверждает, что воспроизводимые образцы не имели абсолютно тождественной реализации.

2. Стратегию писцов рассмотренных нами текстов можно определить как стремление к точному копированию оригинала, когда воспроизводятся все детали переписываемого образца без исправлений. Тем не менее в списках обнаруживаются расхождения, основную роль в появлении которых сыграли, по-видимому, индивидуальные вкусы писцов. Так, первичные отклонения от образца прослеживаются в реализации вариантных написаний, имеющих не семантическую или фонетическую мотивацию, а составляющих скорее графико-орфографическую оппозицию.

3. Наиболее открытой для творческой модификации оказалась позиция конца строки, что связано с восприятием текста не только как смыслового единства, но и как единства графического. Это, в свою очередь, подтверждает высказанную А. Б. Страховым мысль о роли эстетического принципа в выборе графико-орфографического инструментария, когда выбор не подчинен «произношению, диалекту и прочим посторонним для средневековых писца и письма факторам» [Страхов, 1998, С. 123].

4. Регулярная реализация одних орфограмм и колебания (включая расхождения) в воспроизводстве других дают основания предположить значимость стабильных реализаций в качестве индикаторов языковой традиции, продолжаемой писцом, и меньшую релевантность признаков, для которых отмечено лингвистически немотивированное варьирование.

5. Меньшую релевантность демонстрируют признаки, которые не могли поддерживаться простой и однозначной регуляцией, опирающейся на родной язык писца (написание омофоничных букв, з и љ, рефлексов *tert, *telt).

Список литературы

Бахтурна Р. В. Воспроизведение скорописного текста и учет графических вариан-

тов // Лингвистическое источниковедение: Сб. ст. М.: Наука, 1963. С. 35–57.

Верецагин Е. М. История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников: Монография. М.: Мартис, 1997. 315 с.

Гальченко М. Г. О времени появления и характере распространения ряда графико-орфографических признаков второго южнославянского влияния в древнерусских рукописях конца XIV – первой половины XV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка: Сб. ст. М.: Древлехранилище, 2000. С. 123–152.

Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М.: Языки рус. культуры, 2000. 780 с.

Живов В. М. Восточнославянское правописание XI–XIII века: Монография. М.: Языки славянской культуры, 2006. 312 с.

Живов В., Тимберлейк А. Расставаясь со структурализмом (Тезисы для дискуссии) // Вопр. языкознания. 1997. № 3. С. 3–14.

Жуковская Л. П. Грецизация и архаизация русского письма 2-й половины XV – 1-й половины XVI вв. (Об ошибочности понятия «второе южнославянское влияние») // Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому: Сб. ст. М.: Наука, 1987. С. 144–175.

Крайнюченко И. В., Попов В. П. Системное мировоззрение. Теория и анализ: Учеб. для вузов. Пятигорск: ИНЭУ, 2005. 218 с. // <http://holism.narod.ru/Systems/>.

Панин Л. Г. Лингвотекстологическое исследование минейного Торжественника. Ру-

кописи XIV–XVI вв.: Монография. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. 264 с.

Панин Л. Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология: Монография. Новосибирск: Изд-во НИИ МИОО НГУ, 1995. 217 с.

Розов М. А. Наука как традиция // Степин В. С. и др. Философия науки и техники: Учеб. пособие / В. С. Степин, В. Г. Горохов, М. А. Розов. М.: Контакт-Альфа, 1996. С. 66–164.

Страхов А. Б. Об издании Путятиной Минеи (предисловие редактора) // Palaeoslavica. 1998. Vol. 6. С. 114–129.

Филиппова И. С. Об употреблении букв *з* и *ь* в московских рукописях XVII века // Исследование источников по истории русского языка и письменности: Сб. ст. М.: Наука, 1966. С. 122–139.

Щедровицкий Г. П. Естественное и искусственное в развитии рече-языка // Материалы всесоюз. конф. по общему языкознанию «Основные проблемы эволюции языка». 9–16 сентября 1966 г. Самарканд: Изд-во РАН Узб. СССР, 1966. Ч. 1. С. 30–35.

Siihin L. Отражение графико-орфографических норм церковнославянского языка русского извода в житийной литературе второй половины XVI века (на материале Жития Александра Свирского). Joensuu: Joensuu yliopisto, 2001. 401 с.

Материал поступил в редколлегию 03.11.2008

A. A. Belous

REFLECTION OF CHURCH SLAVONIC LANGUAGE DYNAMIC IN CLOSELY RELATED TORZHESTVENNIK MANUSCRIPTS

This paper presents a description of language differences between two closely related manuscripts of Torzhestvennik. Language fluctuation, which based the evolutionary process of Church Slavonic, and its reflection in manuscripts are in the focus.

Keywords: Church Slavonic, language evolution, language fluctuation, Torzhestvennik.